

Научная статья

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-125-131

Камю, Фрейд, абсурд и юмор

Михаил Владимирович Близнюк

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

blizniuk@yandex.ru

Аннотация

Абсурдизм как мировоззрение рассматривается в связи с идеями Камю о бунте и представлениями Фрейда о юморе. Обсуждается вопрос о том, каким образом человек может выносить абсурдистское мировоззрение, предполагающее отказ от придания жизни смысла. В связи с этим в статье скептически комментируется то решение, которое предлагает Альбер Камю, и предлагается другое, использующее мысли Фрейда о юморе.

Ключевые слова

абсурд, юмор, бунт, смысл

Для цитирования

Близнюк М. В. Камю, Фрейд, абсурд и юмор // Reflexio. 2024. Т. 17, № 1. С. 125–131. DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-125-131

Camus, Freud, Absurdity, and Humor

Mikhail V. Bliznyuk

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

blizniuk@yandex.ru

Abstract

Absurdism as a worldview is examined in connection with Camus' ideas about revolt and Freud's concepts of humor. The question of how an individual can endure an absurdistic worldview, which implies renouncing the idea of life having inherent meaning, is discussed. In this context, the solution proposed by Albert Camus is skeptically analyzed, and an alternative approach utilizing Freud's thoughts on humor is suggested.

© Близнюк М. В., 2024

Keywords

absurd, humor, revolt, meaning

For citation

Bliznyuk M. V. Camus, Freud, Absurdity, and Humor. *Reflexio*, 2024, vol. 17, no. 1, pp. 125–131. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2024-17-1-125-131

– Ты зачем здесь ходишь и существуешь? – спросил один, у которого от измождения слабо росла борода.

– Я здесь не существую, – произнес Вошев, стыдясь, что много людей чувствуют сейчас его одного. – Я только думаю здесь.

Андрей Платонов, «Котлован»

Есть авторы, читать которых доставляло и доставляет мне подлинное интеллектуальное удовольствие. Камю и Фрейд именно таковы. Благодаря Камю я теперь называю себя абсурдистом, а благодаря Фрейдю я знаю, что такое мыслить психологически. В этом небольшом и не очень серьезном эссе я хочу рассказать о том, как Фрейд своей мало кому известной трактовкой юмора помог мне решить один неприятный вопрос, касающийся моей жизненной философии. Как я уже сказал, моя жизненная философия – абсурдизм, и, конечно, называю я ее так именно потому, что использую понятие абсурда в том смысле, в котором его предлагает использовать Альбер Камю. Но, принципиально соглашаясь с Камю в постановке вопроса, я чувствовал, что не удовлетворен его решением. И здесь оказался очень кстати Фрейд, хотя вряд ли он мог подозревать, что его мысли о юморе могут кому-то помочь отредактировать абсурдистскую философию Камю и сделать ее психологически более приемлемой.

Итак, рассуждение Камю начинается с констатации абсурда человеческой жизни. Многие читатели уже на этом первом шаге будут яростно спорить, доказывая, что жизнь человеческая имеет смысл, и этот смысл прекрасен. Но меня не нужно было долго убеждать, я согласился легко, потому что и до знакомства с мыслями Камю весьма иронически относился и к религиозным версиям смысла жизни, и к возвышенным литературным, и, тем более, к популярным обывательским. Собственно говоря, я находил для себя наиболее честным придерживаться скептического сциентистского подхода, в соответствии с которым жизнь признается бесспорным фактом, но фактом, о котором неясно даже как он возник, а уж отвечать на вопрос, зачем этот факт возник, и вовсе кажется нелепой для науки затеей.

Но зато наука может вполне уверенно сказать, что ты непременно умрешь, поскольку являешься биологическим организмом, и не просто умрешь, а будешь жить и знать, что ты умрешь, и не просто будешь знать, что умрешь, а будешь знать и чувствовать при этом, что лучше бы тебе об этом не знать.

Мне казалось жестоким издевательством сочетание человеческих желаний, человеческого сознания и законов органической жизни, поэтому я легко согласился с Камю в том, что «...чувство абсурдности и есть этот разлад между человеком и его жизнью, актером и декорациями...» [Камю, 1990. С. 225]. Вот, кстати, пример Камю, в котором есть и актер, и декорации:

«Бывает, что привычные декорации рушатся. Подъем, трамвай, четыре часа в конторе или на заводе, обед, трамвай, четыре часа работы, ужин, сон; понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, все в том же ритме – вот путь, по которому легко идти день за днем. Но однажды встает вопрос «зачем?» Все начинается с этой окрашенной недоумением скуки» [Камю, 1990. С. 230].

Итак, я согласился с Камю в том, что жизнь абсурдна. Что дальше? Что с этим делать? Вот две легко определяемые возможности. Камю спрашивает: «Разве абсурдность жизни требует того, чтобы от нее бежали – к надежде или к самоубийству?» [Камю, 1990. С. 227]. Вопрос может показаться странным, ведь надежда – это хорошо, что в ней не так, с точки зрения Камю? Вот что не так. Попросту говоря, надежда – это попытка уйти от признания абсурда, красиво обмануть себя, например, поверить в продолжение жизни за пределами земного существования. Так поступали, поступают и будут поступать многие, это – популярное решение. Более тонкое решение заключается в том, чтобы отказать своему разуму в праве объявлять жизнь абсурдной. Отказать, например, на том основании, что человеческий разум – слабый инструмент, ненадежный. Этим путем пойдут немногие, потому что здесь придется использовать этот самый разум, чтобы доказать его же слабость, это занятие странное и понравится не всем. К тому же и надежда здесь не такая внятная, как в первом случае.

Если надежда – не самое честное решение проблемы абсурда, то о самоубийстве и говорить нечего, это просто выход из игры, бегство из жизни. Что же еще может быть? Вот ответ Камю: «Ранее речь шла о знании; должна ли жизнь иметь смысл, чтобы ее стоило прожить. Сейчас же, напротив, кажется, что, **чем меньше в ней смысла, тем больше оснований, чтобы ее прожить**. Пережить испытание судьбой – значит полностью принять жизнь. Следовательно, зная об абсурдности судьбы, можно жить ею только в том случае, если абсурд все время перед глазами, очевиден для сознания... Упразднить сознательный бунт – значит обойти проблему. **Тема перманентной революции переносится таким образом в индивидуальный опыт**. Жить – значит пробуждать к жизни абсурд. Пробуждать его к жизни – значит не отрывать от него взора» [Камю, 1990. С. 260]. И еще: «Подобно тому, как опасность дает человеку незаменимый случай постичь самого себя, метафизический бунт предоставляет сознанию все поле опыта. Бунт есть постоянная данность человека самому себе. Это не устремление, ведь бунт лишен надежды. **Бунт есть уверенность в подавляющей силе судьбы, но без смирения, обычно ее сопровождающего...** Этот бунт придает жизни цену. Становясь равным по длительности всему существованию, бунт восстанавливает его вели-

чие. Для человека без шор нет зрелища прекраснее, чем борьба интеллекта с превосходящей его реальностью» [Камю, 1990. С. 260].

Язык Камю удивительно хорош, недаром он лауреат Нобелевской премии по литературе. Читая такой текст, попадаешь под обаяние этих воодушевляющих слов, зовущих тебя прожить драматическую судьбу, судьбу безнадежную, но судьбу человека мыслящего и в подлинном смысле разумного, опирающегося на разум, а не на веру или чувства. Звучит, конечно, очень круто, это решение предлагает тебе судьбу бунтовщика, судьбу Сизифа, находящего неведомо где силы делать свое дело с полным сознанием бессмысленности этого дела. Пусть это честная жизнь, но жизнь безрадостная, и поэтому, я был уверен, невозможная. Манифест Камю прекрасен, но он хорош для сцены, а не для жизни. Итак, допустим, что Вам по душе мысль об абсурдности человеческой жизни, но Вы не готовы к той пафосной драматической роли, которую Вам предлагает Камю. Вы не готовы принять абсурд как ежедневный вызов, как перманентный квест, как постоянное внутреннее напряжение. Я был не только не готов, но еще и был уверен, что это психологически, скорее всего, невозможно. Вы бы хотели найти другое решение, но каково оно? Всем, конечно же, известно, что абсурд неэкзистенциальный, абсурд, далекий от драмы, может вызывать улыбку и даже смех. Сочетание несочетаемого, бессмыслица, нелепость – вот синонимы абсурда, старые добрые поводы для улыбки. Если человек явится летом на пляж в зимнем пальто, он будет смешон, тут мы позволяем себе реагировать на сочетание несочетаемого улыбкой.

Но если человек откажется признавать жизнь имеющей хоть какой-нибудь смысл, окружающие, скорее всего, заподозрят в этом болезнь, отклонение, изъязн и либо станут сторониться несчастного, либо кинутся ему помогать, убеждая его отказаться от вредного убеждения. Могут еще счесть это за позерство, за желание привлечь к себе внимание экзотическими убеждениями, тогда просто пожмут плечами и подумают, что блажь со временем пройдет, и человек перестанет выпендриваться, задышит воздухом, которым дышат все, воздухом смысла жизни. Самое любопытное, что в большинстве случаев это так и будет. Если, конечно, сторонник абсурдизма не наложит на себя руки. Но это слишком радикально, поэтому, скорее, наш абсурдист обретет какой-нибудь смысл, за который можно будет ухватиться и жить дальше. С моей точки зрения, это произойдет по одной простой причине – экзистенциальный абсурд непереносим с серьезным лицом. В этом случае он требует драматического героя, непреклонного бунтовщика, поражающего нас стойкостью своих невыносимых убеждений. Таким его и изображает Камю. Я уже говорил выше, что пафос Камю прекрасен, но сам пафос сомнителен как фон для повседневной жизни. Но возможен ли непафосный абсурдист? Как иначе можно выносить экзистенциальный абсурд?

Вот тут-то и оказались очень уместны мысли Фрейда о юморе как средстве справляться с «реальностью как принудительным источником страдания». Вот, что пишет о юморе Фрейд (1927): «Пришло время познакомиться

с некоторыми особенностями юмора. В юморе есть не только нечто освобождающее, как в остроумии и в комизме, но и **нечто грандиозное и воодушевляющее**, последние свойства отсутствуют в двух других видах получения удовольствия от интеллектуальной деятельности. Грандиозное явно состоит **в торжестве нарциссизма, в котором победоносно утвердилось неприкосновенность личности. Я отказывается нести урон под влиянием реальности, принуждающей к страданию**, при этом оно настаивает, что потрясения внешнего мира не в состоянии затронуть его, более того, демонстрирует, что они – всего лишь повод получить удовольствие. Эта последняя черта особенно существенна для юмора. Если мы предположим, что преступник, ведомый в понедельник на казнь, сказал: “Меня нисколько не волнует то, что произойдет после того, как повесят такого парня, как я, мир по этой причине не рухнет”, – то мы должны были бы решить, что, хотя эта фраза и содержит хвастливое пренебрежение реальной ситуацией, она разумна и справедлива, однако **не обнаруживает и следа юмора, более того, основывается на оценке с позиции реальности, прямо противоречащей оценке с позиции юмора. Юмор не покоряется судьбе, он упрям и означает не только торжество Я, но и торжество принципа удовольствия, способного утвердиться здесь вопреки неблагоприятным реальным обстоятельствам**» [Фрейд, 1995. С. 283].

Что же может предложить юмор человеку, которого ведут на казнь? Фрейд следующим образом отвечает на этот вопрос: «Остановимся на самом грубом примере: если преступник, ведомый в понедельник на виселицу, заявляет: “Ну, вроде эта неделя начинается хорошо”, то он сам обнаруживает чувство юмора, юмористический процесс совершается в его личности и **явно приносит ему определенное удовлетворение**. Меня, безучастного слушателя, некоторым образом затрагивает опосредованное воздействие юмористической деятельности преступника; видимо, подобно ему, я чувствую прилив юмористического удовольствия» [Фрейд, 1995. С. 282].

Это тот самый черный юмор, юмор висельника, который помогает справляться со страхом смерти, позволяет улыбаться и получать удовольствие там, где оно кажется невозможным, кажется противоречащим самому элементарному здравому смыслу. При этом Фрейд отказывается относить юмор к категории тех способов справляться со страданием, использование которых свидетельствует о развивающемся патологическом процессе. Фрейд пишет: «Благодаря этим двум последним чертам: отвержению требований реальности и осуществлению принципа удовольствия – **юмор близок регрессивным или устремленным в прошлое процессам, с которыми мы в избытке имеем дело в психологии**. Из-за своего сопротивления возможности страдания он занимает место в большом ряду тех методов, которые человеческая душевная жизнь сформировала для избавления от гнета страдания, ряда, начинающегося с невроза, достигающего вершины в сумасшествии, ряда, в который входят опьянение, самоуглубление, экстаз. Этой связи юмор обя-

зан преимуществом, полностью, например, отсутствующим у остроумия, ибо последнее служит либо только достижению удовольствия, либо ставит полученное удовольствие на службу агрессии. В чем же состоит юмористическая установка, с помощью которой отвергают страдание, подчеркивают непобедимость Я силами внешнего мира, победно утверждают принцип удовольствия, **но все это не покидая – подобно другим методам с аналогичной целью – почвы душевного здоровья?»** [Фрейд, 1995. С. 283]

Фрейд дальше отвечает на этот вопрос, полагая, что разгадка в очень специфической коммуникации, возникающей между Супер-Эго и Эго, но это вряд ли имеет для этой статьи серьезное значение, поскольку это уже внутренняя психоаналитическая кухня, тут своя логика, а нас интересует экзистенциальная сторона вопроса. Важно то, что Фрейд объявляет юмор здоровым средством справляться со страданием, и не так важно то, как в терминах психоанализа можно было бы объяснить механизм функционирования этого средства.

Ну, и теперь мы можем вернуться к экзистенциальному абсурду, который, по мнению Камю, преодолим только при помощи бунта. Бунт предполагает очень серьезное лицо исполнителя. Полное осознание обреченности и мужество не бежать от этого осознания.

«Этот бунт придает жизни цену. Становясь равным по длительности всему существованию, бунт восстанавливает его величие. Для человека без шор нет зрелища прекраснее, чем борьба интеллекта с превосходящей его реальностью» [Камю, 1990. С. 260], так пишет Камю, и ты понимаешь, что это героическая судьба, героическая, но вместо почестей – недоумение окружающих или даже признание героя больным. А Фрейд пишет: «Он [юмор] намерен сказать: посмотри-ка, вот **мир, который выглядит таким опасным. Прямо-таки детская забава подшутить над ним!**» [Фрейд, 1995. С. 284].

Вопрос в том, возможен ли не бытовой, не ситуативный, а экзистенциальный юмор? По силам ли юмору справиться с миром, в котором сочетание человека и реальности является абсурдным? Я думаю, да. Приговоренный к казни может шутить о плохом начале недели, а мы, с точки зрения абсурдиста, все приговорены к бессмысленной жизни, смерти и исчезновению. Да, шутить придется не один день, а всю жизнь, конечно, это – непростая задача, но почему бы она не могла быть выполнимой? Я думаю, она выполнима. В этом нет пафоса, но есть своеобразное удовольствие и даже радость. Ты смеешься, хотя многие в этом месте плачут, молятся или сходят с ума. Ты продолжаешь сознавать все это «ласковое безразличие мира», всю грандиозность и жестокость абсурда, в котором ты оказался, но ты отказываешься унывать, отказываешься от помощи богов, отказываешься и от помощи сограждан, увлекшихся популярными смыслами жизни, отказываешься, но живешь и радуешься просто тому, что ты пока жив и можешь на все это смотреть с улыбкой. Ты стараешься и учишься жить радостно, поскольку ты знаешь, что твоему интеллекту не нужно бороться с «превосходящей его реальностью» (Камю),

а нужно придумать, как жить в этой реальности радостно и с удовольствием. Радостно, но с фоновым перманентным осознанием драматизма человеческого вообще и твоего в частности существования, ведь именно это осознание делает радость жить тем, чем можно жить без скуки и без смысла.

* * *

Фрейд: «Юмор не покоряется судьбе, он упрям и означает не только торжество Я, но и торжество принципа удовольствия, способного утвердиться здесь вопреки неблагоприятным реальным обстоятельствам» [Фрейд, 1995. С. 283].

Что тут можно добавить? Аминь.

Список литературы

Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов / под ред. А. А. Яковлева. М.: Изд-во полит. литературы, 1990. С. 222–318.

Фрейд З. Юмор // Художник и фантазирование: сборник работ. М.: Республика, 1995. С. 282–284.

References

Camus A. (1990). Mif o Sizife. Esse ob absurde [The Myth of Sisyphus]. In A. A. Yakovlev (Eds.), *Sumerki bogov* (pp. 222–318). Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russ.)

Freud S. (1995). Yumor [Humor]. In *Khudozhnik i fantazirovanie* (pp. 282–284). Moscow, Respublika. (In Russ.)

Сведения об авторе

Близнюк Михаил Владимирович, старший преподаватель кафедры психологии личности факультета медицины и психологии В. Зельмана Института медицины и медицинских технологий Новосибирского государственного университета
RSCI Author ID 542711

Information about the Author

Mikhail V. Blizniuk, Senior Lecturer of the Section of Clinical Psychology at the V. Zelman Department of Medicine and Psychology, Institute of Medicine and Medical Technologies of Novosibirsk State University
RSCI Author ID 542711

Материал поступил в редколлегию 31.03.2025
The article was submitted 31.03.2025